

На вопросы директора Издательской группы «Закон» Владимира Багаева отвечают **члены команды Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — победители конкурса им. Виллема К. Виса 2018 г. Вера БЫКОВА, Гаянэ ГУЛЯН, Владимир КОСЦОВ и Оксана ТЮСИНА, а также один из тренеров команды Эльза ДАУЛЕТШИНА**

ЕСЛИ ТЫ ПОПАЛ В МУТКОРТ, ЗНАЧИТ, ТЫ ЧЕГО-ТО ДОБИЛСЯ

ЭЛЬЗА ДАУЛЕТШИНА

юрист практики трансграничных споров международной юридической фирмы *Jones Day*. В 2014 г. окончила специалитет НИУ ВШЭ по направлению «Международное предпринимательское право». Бывший участник, а в настоящее время — тренер команды НИУ ВШЭ в конкурсе им. Виллема К. Виса

ELZA DAULETSHINA

Associate in Global Disputes at *Jones Day*. Elza graduated with the specialist degree from National Research University Higher School of Economics (NRU HSE) in 2014 with the focus on international commercial law. She is a former participant, and currently the coach of the NRU HSE Willem C. Vis Moot team

— Это первый игровой конкурс, в котором вы приняли участие?

В.Б.: В прошлом году мы участвовали в конкурсе им. Джессопа — по международному публичному праву.

О.Т.: У меня лично конкурс Виллема Виса был четвертым муткортом, в котором я принимала участие. Первой была Модель Европейского суда по правам человека, потом — Модель Международного уголовного суда, потом Джессоп, потом Вис.

— То есть у вас уже большой опыт. А как изначально к вам пришла идея участвовать в муткортах?

В.К.: Я в первый раз услышал о муткорте, когда только поступал на юридический факультет. Меня очень волновало, что из-за погружения в право я забуду языки. Выпускники факультета права НИУ ВШЭ посоветовали мне как можно быстрее принять участие в муткорте, в частности в конкурсе Джессопа. Поэтому я уже на первом курсе присутствовал там в качестве волонтера-пристава, который следит за временем. А после

INTERVIEW

ОКСАНА ТЮСИНА

студентка 4-го курса факультета права НИУ ВШЭ

OKSANA TYUSINA

4th year undergraduate student at NRU HSE

ВЛАДИМИР КОСЦОВ

студент 4-го курса факультета права НИУ ВШЭ

VLADIMIR KOSTSOV

4th year undergraduate student at NRU HSE

первого курса прошел отбор и попал в команду. Для меня это был прежде всего способ убедиться, что мой язык остается на хорошем уровне. Потом уже я оценил тот факт, что в рамках любого муткорта мы разбираем кейс настолько детально, как никогда бы не стали разбирать его в реальной жизни, такую кропотливую работу просто никто не будет оплачивать. В этом плане муткорт стал хорошей тренировкой для ума.

В.Б.: Для меня муткорт — это в первую очередь дух соревнований, он отвлекает от рутинной жизни, уче-

бы. Каждый день на протяжении года ты выполняешь какой-то набор заданий, занимаешься делом, которым занята вся команда, и вас всех объединяет одна цель. Это очень классно: работа в команде и движение к какой-то цели. Плюс муткорт рекламируется как движение лучших юристов.

О.Т.: А я, честно говоря, с трудом могу вспомнить мое первое ощущение от конкурса им. Виллема Виса. Но точно знаю, что мне еще с первого курса казалось: если ты попал в муткорт, значит, ты чего-то добился,

ГАЯНЭ ГУЛЯН

студентка 4-го курса факультета права НИУ ВШЭ

GAYANE GULYAN

4th year undergraduate student at NRU HSE

ВЕРА БЫКОВА

студентка 1-го курса магистратуры
«Международное частное право» НИУ ВШЭ.
В 2017 г. окончила бакалавриат
«Международное право» МГИМО МИД России

VERA BYKOVA

1st year Master's student at NRU HSE in the field of
Private International Law. Graduated from MGIMO
University in 2017 as a Bachelor
of International Law

даже независимо от твоих результатов конкретно в
этом конкурсе.

У нас в университете даже отбор в команду —
это серьезный вызов, и если ты попадаешь в
эти избранные пять (или больше) человек, то
уже кажется, что ты занимаешься чем-то осо-
бенным.

Кроме того, муткорт дает возможность ближе познакомиться с теми отраслями, с которыми вряд ли столк-

нешься в своей работе, например с международным
уголовным правом, как это было в Модели Междуна-
родного уголовного суда. Это серьезно расширяет кру-
гозор, и даже если ты не понимаешь конкретные детали
этой отрасли, ты видишь общие принципы, на которых
она построена, и понимаешь, как нужно мыслить.

Поэтому неважно, на что ориентирован кейс — на
атомное оружие или, например, на культурные ценно-
сти. В любом случае, изучая этот вопрос, ты изучаешь,
как строится и функционирует вся правовая система.

— Расскажите, как вас отбирали.

Э.Д.: Раньше все было на уровне студенческой инициативы: знакомые звали знакомых. Сейчас же у нас на факультете права есть курс международного коммерческого арбитража, который ведут М. Гальперин и Е. Мазетова, и все, кто хочет попасть в Висмут, записываются на этот курс. И уже в процессе обучения преподаватели смотрят, как ребята выступают. Сам отбор проходил в два этапа: на первом мы дали им небольшое дело и попросили подготовить позицию за истца или за ответчика, из расчета на 5–10 минут для ее презентации, чтобы сразу посмотреть, как они справляются с нервами, как выступают и говорят. Сразу видно, как человек думает, и понятен уровень английского. На втором этапе отбор происходил в формате собеседования, на котором мы уже ближе знакомились с претендентами, узнавали их интересы, кто уже работает, кто сколько времени может уделять конкурсу.

— А много всего было претендентов? Это те, кто был на курсе?

Э.Д.: В первую очередь слушатели курса, но были и желающие со стороны. В этом году поток претендентов был намного больше, чем в предыдущие годы: пришло около 40 человек.

— Как у вас получалось совмещать подготовку к конкурсу с учебой, вы же все учились и некоторые, наверно, еще и работали?

В.К.: Да, некоторые из нас работали помощниками юриста, когда отбирались. На остальное и правда уже не было времени. Только работа, учеба и конкурс.

|| Все свободное время и выходные приходилось концентрироваться на муткорте.

По крайней мере, лично мне отвлекаться на муткорт в будни было сложно, поэтому я занимался им в основном именно в выходные.

В.Б.: Муткорт действительно учит работе в режиме мультизадачности, когда ты можешь делать много дел одновременно и грамотно распределять свое время.

Г.Г.: Когда ты постоянно увлечен муткортом, то ситуации в учебе, на работе начинают все время напо-

минать о нем. К примеру, при обсуждении на учебном семинаре какого-то кейса мне в голову сразу приходила мысль, что этот принцип было бы интересно применить и у нас. То есть учеба, работа и муткорт друг другу не мешают. Мне кажется, наоборот: чем больше стараешься примерять самые разные вещи на муткорте, тем шире получается осмысление кейса.

Более того, муткорт полезен для будущей работы.

|| Если ты в рамках муткорта напишешь пару раз меморандум, то поймешь, как он должен выглядеть, и на работе будет гораздо проще структурировать свои мысли в каком-то едином документе.

— А как вы понимали, как правильно писать меморандум? Здесь требовалось больше самостоятельной работы или в первую очередь помочь наставников?

В.К.: Собственно, это как раз одна из задач тренеров, потому что в разных конкурсах разный стиль написания меморандума, так что помочь тренера здесь играет определяющую роль. Но, поскольку у нас это был не первый конкурс, мы уже имели определенный опыт.

— Почему вы решили переключиться на конкурс им. Виллема Виса? Чем он принципиально отличается от конкурса им. Джессопа?

В.Б.: Прежде всего тематикой: конкурс им. Ф. Джессопа посвящен международному публичному праву, это спор между двумя государствами о различных проблемах международного права, в то время как Висмут — это спор между двумя компаниями о контракте. Также он частично посвящен процессуальным проблемам, которые возникают уже в ходе арбитража. Например, в этот раз в нем поднимался вопрос об отводе арбитра.

Лично меня в какой-то момент больше стало интересовать частное право, потому что я хотела работать в этой сфере. И сейчас я занимаюсь российскими спорами в области частного права. Плюс мне захотелось попробовать что-то новое, потому что, действительно, форматы конкурсов очень разные: и требования к меморандуму, и выступление, и регламент, и место проведения — всё абсолютно другое.

— А если сравнивать с другими конкурсами, конкурс им. Виллема Виса считается более престижным?

Э.Д.: Определенно. В сфере частного права Висмуту однозначно нет равных. Принято считать, что Вис — это частноправовая версия Джессопа, который, в свою очередь, является престижнейшим именно в сфере публичного права. Несмотря на относительную молодость — Висмуту всего 25 лет, — у него уже есть свои история и наследие, а многие даже называют его Олимпийскими играми международного коммерческого права.

— Сколько команд участвовало в этом году?

О.Т.: В этом году в Вене изначально было зарегистрировано рекордное количество команд — 362 из 86 стран мира.

— Кто представлял Россию?

Г.Г.: Кроме нас, это были МГУ, МГИМО, МГЮА, СПбГУ, РАП, РУДН, РАНХиГС, РШЧП и команда НИУ ВШЭ из Санкт-Петербурга, всего было представлено 10 российских команд. Со всеми ними нам посчастливилось собраться на одном из лучших подготовительных раундов (пре-мутов) конкурса в Москве, который ежегодно проводится в стенах МГУ.

Надо сказать, что уровень подготовки и профессионализма российских команд растет с каждым годом, в том числе благодаря участию в таких сильных пре-мутах, как московский.

— А сколько людей участвуют в основном этапе?

В.Б.: Огромное количество. Вся Вена просто заполнена людьми, которые что-то учат, повторяют, читают — прямо на ходу или в кафе.

Это на самом деле выглядит удивительно. Организатору конкурса, если я не ошибаюсь, даже выдали специальную награду от градоначальника Вены за то, что он развивает туризм.

— А вы успели почувствовать себя туристами?

В.К.: Все зависит от того, как быстро ты вылетишь из конкурса. Если сразу после отборочных раундов —

а на этом этапе из 362 команд проходят только 64, — то времени на то, чтобы прогуляться по городу, будет вполне достаточно. То есть большинство людей освобождаются в первые четыре дня. И сами организаторы конкурса готовят для них ежедневные экскурсии и другие мероприятия.

— Звучит так, словно это, в принципе, игра без проигрыша.

В.К.: Так и есть.

— Сколько вы к этому конкурсу готовились?

Э.Д.: С октября 2017 г., как вышел кейс. Хотя, мне кажется, мы никогда не останавливались. И, честно говоря, с трудом можно вспомнить, когда были последние выходные. Первые, например, будут в эти праздники.

— Подготовка, вероятно, должна включать в себя не только написание меморандумов, но и какие-нибудь тренировки разговорной речи, навыки быстро отвечать на вопросы, которые ставит судья. Можете рассказать об этой стороне?

В.Б.: Мы начали готовиться к устным раундам сразу по завершении работы над меморандумом и собирались в этом году довольно часто. В нашей победе есть большая заслуга тренеров. Помогла слаженная работа, когда каждый стабильно, два-три раза в неделю, находил время на тренировки, которые порой длились более двух часов.

— А как проходит тренировка?

В.Б.: Как правило, каждый участник представляет свою позицию. Иногда он старается уложиться в 14 минут, как установлено регламентом конкурса, иногда не придерживается ограничений и выступает, скажем, в течение часа. Другие участники и тренер задают ему вопросы. И мы таким образом стараемся покрыть все вопросы, которые только могут возникнуть.

— Получается, вы с октября занимались одним и тем же делом, встречались два раза в неделю, обсуждали его, презентовали позиции, отвечали на вопросы. Не произошло выгорания? Все-таки тяжело заниматься одним и тем же делом больше полугода.

В.К.: Скучно не становится, потому что кейс сам по себе достаточно объемный. И чем больше о нем узнаешь, тем больше его граней тебе открывается. Мне кажется, что люди, которые изначально придумали эту проблему, не знали как минимум половины аргументов, которые потом всплыли. Например, один из аргументов, который мы приводили, основывался по просту на опечатке в кейсе.

О.Т.: Самое главное, что арбитры, которые это дело судят, тоже постоянно его смотрят в повторении. Им становится скучно слушать одно и то же, и они с каждым новым выступлением пытаются продвинуться все дальше, задать такой вопрос, который еще никто не задавал, как бы поставить человека в неудобное положение. Соответственно, идет развитие понимания и у арбитров, и у студентов одновременно. И кейс изучается все более глубоко. Под конец сама основа спора уже никому не интересна.

— Расскажите подробнее про сам кейс. В чем он заключался?

Г.Г.: Заказчику нужно было доказать, что торты, которые должен был доставить оппонент, произведены с нарушением договора. А поставщику, который выступал истцом и просил взыскать деньги за товар, требовалось приложить все усилия к тому, чтобы доказать, что торты произведены в соответствии с этическими нормами. Проблема была в том, что в стране, в которой выращивали какао-бобы, была коррупция. В результате ради поля какао-бобов вырубили целый лес, заповедник. Это и было нарушением этических норм ответчика.

Но еще был вопрос, заключавшийся в отводе арбитра. Предполагалось, что поставщик какао-бобов назначил для истца арбитра, а ответчику не понравился этот арбитр, потому что он был связан с истцом по разным основаниям. И он решил его отвести.

— Можете подробнее рассказать, как строится игровой процесс?

О.Т.: Каждой команде сообщается сторона, за которую она будет выступать. Соответственно, это либо истец, либо ответчик. На первом этапе это объявляется заранее, но если команда выходит в плей-офф, то узнает, за кого она будет играть, уже непосредственно

перед каждым раундом, иногда бросается монетка. Чаще всего от раунда к раунду сторона меняется. Она не меняется только в очень редких случаях, если обе вышедшие команды были на одной стороне. У кого-то из них позиция сохранится.

— Тогда как раз и пригождается монетка?

О.Т.: Да, верно. Монетка кидается, если обе команды были на одной стороне.

Соответственно, от команды есть два спикера. Один отвечает за процесс, другой — за материю. И у каждого из них по две основные части. Собственно, в процессуальной составляющей это были вопросы отвода арбитра и права арбитража решить этот вопрос. В материальной — применение стандартных условий одной из сторон и, соответственно, природа обязательств: было ли это обязательство результата или обязательство приложения усилий? Каждому участнику дается 14 минут на выступление и одна минута на реплику. После этого раунд заканчивается.

— 14 минут на выступление каждому из двух представителей каждой команды?

О.Т.: Да, т.е. выступление обеих команд длится примерно час.

— Участники не задают друг другу вопросы?

Г.Г.: Нет, только судьи.

Иногда во время выступления одной стороны арбитры могут ее остановить и спросить другую сторону, например, согласна ли она с таким-то аргументом или нет. То есть стараются сразу спровоцировать соперничество и посмотреть, кто лучше.

В.К.: Но если очень хочется задать вопрос, как я иногда любил делать, можно в своем выступлении попросить другую сторону высказаться. Мне кажется, это было особенно полезно, когда мы выступали на стороне истца. Ответчику было важно обойти ряд вопросов, сделать так, чтобы арбитры их не задали. А истцу, наоборот, нужно было лишний раз подтолкнуть арбитров к этому.

— Кем вы были в финале?

Г.Г.: Ответчиками.

— То есть это не играло в вашу пользу.

Г.Г.: Нет, на самом деле ответчик был нашей любимой стороной. За него как-то легче было играть. Там было больше аргументов, которые нам лично нравились, и когда мы выступали, мы больше верили в то, что говорили. Просто иногда бывает, что надо сказать какой-то аргумент, а ты не особо в него веришь.

— Судя по описанию дела, с моральной точки зрения истец все-таки был не прав. Это же его поставщики вырубили лес.

В.К.: По большому счету, да. Но все же не он сам на прямую, а его поставщики.

— А он знал об этом?

В.К.: Нет, точно не знал.

— Тогда действительно непонятно.

В.К.: По условиям дела ответчик тоже был наделен рядом плохих качеств. Во-первых, он продавал эти торты. А во-вторых, когда он узнал о нарушениях, то просто раздал их в рамках маркетинговой кампании. То есть фактически его позиция была такая: торты ваши, конечно, плохие, но покупателю мы об этом не скажем. И при этом он не заплатил истцу.

— А как определяется внутри команды, кто отвечает за процесс, а кто — за материальную часть?

В.Б.: В этот раз, мне кажется, мы распределились добровольно: кто-то решил, что хочет изучать процесс, кому-то более интересной показалась материя. Но, по моему опыту, это иногда принудительно определяется. Тренеры считают, что так будет лучше и должна быть такая расстановка сил.

— Но это не судьи определяют?

О.Т.: Нет.

— Насколько я знаю, финальные этапы у вас вели Владимир и Гаянэ. Кто выбрал их кандидатуры? Тренеры?

Э.Д.: Да. Мы ребят с самого начала предупреждали, что финальное слово будет за тренерами. У нас большой тренерский состав, и вопрос решался коллегиально.

— А как выбирали, кого поставить? По текущему состоянию, по последним выступлениям?

Э.Д.: Оценивалось то, насколько человек готов выступать в данный момент.

— Кто судил в финале?

Г.Г.: Профессор Джордж Берман из Колумбийской школы права, Яс Банифатеми — вице-президент *ICC*, которая еще была председательствующим судьей при рассмотрении дела «ЮКОСа». Третьим был проф. Питер Хубер из Майнцского университета.

— Сколько всего схваток вам пришлось провести на венском этапе?

Г.Г.: Всего десять, из них четыре было на предварительных раундах, и шесть — в ран-офф. Это максимальное количество, которое команда может сыграть.

— В какой момент вы почувствовали, что можете претендовать на чемпионство?

О.Т.: Мне кажется, чемпионство не было очевидным вплоть до конца, не говоря уже об отборочных раундах. Когда в отборочных турах команду оценивают по баллам, очень сложно угадать, какой судья сколько баллов поставит. Из-за оценки одного арбитра можно опуститься в итоговой таблице очень низко и не пройти. В плей-офф все уже более очевидно: там есть две команды, и, по сути, арбитры сравнивают только их двоих. Им не нужно думать, сколько кому поставить.

Зато там уже непонятно, с кем ты будешь играть в следующем раунде, и выступление очень сильно зависит от того, кто будет твоим оппонентом. Конечно, были раунды, в которых наше преимущество было явным.

Но были и очень сильные команды. И здесь нам уже частично повезло.

— Кто был самым сложным?

В.К.: О сложности, на мой взгляд, можно говорить в двух аспектах: команда может быть сильным соперником по существу аргументов или по эффекту от презентации и общему впечатлению.

По существу аргументов, на мой взгляд, самой сложной была команда МГУ, с которой мы играли в $\frac{1}{16}$ финала.

Они показали настоящий профессионализм, и было видно, что это команда опытная и сильная, а с такими всегда приятно играть.

Г.Г.: Я бы еще хотела отметить команду из Бухарестского университета, с которой мы играли в полуфинале. На мой взгляд, это команда, которой удалось совместить и хорошую презентацию, и сильнейшую позицию по существу.

В.К.: Что касается презентации, то, наверное, Колумбийская школа права произвела здесь наибольший эффект, поскольку это была команда из уже взрослых участников — в хороших костюмах и с огромной командой поддержки. Вся аудитория была занята болельщиками из Колумбии, и против них мы — 5 человек.

— Это сильно мешало?

В.К.: Когда я выступал, какой-то человек все время качал головой, глядя на меня. Мол, вообще неправильно говоришь, абсолютно. При этом он сидел позади арбитров, т.е. им его было не видно, а вот мне — видно прекрасно.

— Думаете, это был какой-то психологический прием?

В.К.: Скорее всего, да.

— Когда вы выступали в схватке с командами — носителями языка, ощущался языковой барьер или нет? Все-таки тяжело выступать на чужом языке.

Г.Г.: На самом деле, нет, поскольку в Висе арбитры смотрят на право и пытаются именно в аргументах разо-

браться, задают очень хорошие вопросы. В итоге в каждом раунде разгорается очень интересная дискуссия.

Нам очень повезло с панелями арбитров, потому что все они были очень заинтересованы в деле и в нахождении истины, какая позиция более верная по праву. И с этой точки зрения уже было неважно, носитель языка или не носитель. Главное было ясно донести свою мысль.

— У вас очень хороший английский, где вы его учили, в университете или еще в школе?

В.Б.: Я окончила бакалавриат МГИМО. Пошла туда, потому что совсем не знала английского. И я выучила его там за три года.

В.К.: Я учился в школе с углубленным изучением английского языка и, если честно, в то время знал только его, больше особо ничем не занимался. Английский язык — вот и все знания. Еще я в 11-м классе ездил по программе обмена *FLEX* в Америку на год.

О.Т.: Я начала изучать английский в школе, но не скажу, что в моем городе его можно очень хорошо выучить.

— А в каком городе Вы учились?

О.Т.: В Борисоглебске Воронежской области.

Школа дала базу, но вот сами навыки грамотного письма, устной речи я приобретала в мутах, обучаясь в университете.

— Получается, что мут выступает неким инструментом, который позволяет подтянуть язык?

О.Т.: Да, потому что ты, по сути, целый год занимаешься языком — читаешь, пишешь, общаяешься на нем на тренировках. В этом году мы даже на встречах общались на английском, потому что у нас на материальной части был итальянец в команде, и нам, чтобы он понимал, что происходит, нужно было говорить на английском языке. И весь год просто прошел в таком режиме.

— Владимир, а Вы в каком городе учились?

В.К.: В Северодвинске Архангельской области.

— Вера, а Вы откуда?

В.Б.: Я из Калининграда.

— Гаянэ?

Г.Г.: Я из Майкопа, Республика Адыгея. На самом деле у нас тоже невозможно было выучить язык нормально, а поскольку я всегда хотела учиться в МГИМО, в котором вступительный английский, то нужно было сдавать ЕГЭ на английском, и я в 11-м классе просто начала ходить к репетитору. И за один год я смогла подтянуть язык и сдать ЕГЭ на достойном уровне.

— Сколько баллов Вы набрали на ЕГЭ?

Г.Г.: 93. Но при этом у меня не был *fluent English* — я еще не могла свободно говорить, написать что-нибудь. Я просто знала правила и прорешала очень много заданий ЕГЭ — так, чтобы писать ответ, даже не читая задания. А разговорному английскому я научилась именно благодаря трем международным мутам, в которых я участвовала.

Я никогда не жила за границей, к сожалению. Все мои знания — благодаря мутам.

О.Т.: Вообще, у нас с первого курса есть предметы, которые ведутся на английском языке. Это очень помогает. В целом факультет действительно старается следовать лучшим международным стандартам в образовании, поэтому всегда поощряется стремление студентов изучать иностранные языки и международное право.

— Победа или постоянное участие в муткортах как-то изменили вас, помогли вам? Или победа была чем-то более важным, чем просто участие?

Г.Г.: Конечно, участие — это уже большое достижение. Без него не было бы и победы. Но для нас, как опытных мутеров, победа была очень важной. Не то, чтобы именно в этот раз мы шли только за победой, нет. Мы просто старались выложиться по полной, чтобы потом не было стыдно перед самим собой, что ты где-то не дотянул.

— А какой результат был бы для вас нестыдным? Вы же не знали, что выиграете. Какая стадия казалась вам решающей: дойти хотя бы до нее — уже будет супер?

Г.Г.: Единственный раунд, где мы реально сомневались, пройдем мы дальше или нет, это был раунд с Колумбийской школой права. И вот тогда я подумала: даже если не пройдем, этот раунд — уже круто.

— Это был четвертьфинал.

О.Т.: Да, и это уже был лучший результат России за всю историю участия в Висе. До этого команда МГУ в прошлом году дошла только до $\frac{1}{8}$.

— Что дальше? Учеба, наука, только практика?

В.Б.: Сначала хотелось бы поехать учиться по обмену, поскольку Высшая школа экономики предоставляет уникальные возможности. Я хотела бы поехать в Сорbonну, так как свободно владею французским языком, было бы очень интересно изучать французский подход к цивилистике. Потом хотелось бы строить карьеру в России в сфере разрешения споров.

Г.Г.: Практиковать очень хочется, применять все свои знания, вести крутые проекты в жизни. Хотелось бы оставить после себя какой-то след в юриспруденции.

О.Т.: Помимо практической деятельности, в планах учеба и, конечно, магистратура. На каких-то более поздних этапах мне бы хотелось еще преподавать.

В.К.: Я бы тоже хотел преподавать, не на постоянной основе — я тоже, скорее всего, пойду по практическому пути, — но меня привлекает научный подход.

||| Мне почему-то кажется, что муты все-таки ближе стоят к научному осмыслению. Там высокая практика и необычные дела, которые в России не встретишь.

— В Великобритании позиция судей считается венцом карьеры. Кто-нибудь из вас хотел бы стать судьей?

Г.Г.: Не уверены.

— Почему?

Г.Г.: В России к судье нет такого уважения и почета, как, например, в Америке, в Великобритании. Там судей даже в повседневной жизни называют *Judge*. Точ-

но так же, как докторов называют «доктор», потому что это позиция, которая вызывает уважение и почтение.

Почему такое отношение? Потому что там судьи творят право. Там же прецедентная система и каждое их решение имеет значение. А значит, когда судья принимает решение, он должен все взвесить, постараться найти самый правильный подход. В России же всё похоже на фабрику. Всё происходит очень быстро. Не остается времени для права.

— **Кто-нибудь из вас работал в суде?**

О.Т.: Я проходила практику в суде общей юрисдикции. Это была очень короткая практика — я всего пять раз посетила суд, — но мне хватило.

В.Б.: Я недавно смотрела статистику, и там получалось, что около 80% судей, в том числе Верховного Суда РФ, являются выходцами из той же судебной системы.

|| То есть, чтобы стать судьей Верховного или, скажем, Конституционного суда, нужно с самого начала идти и становиться клерком, помощником судьи. И, как правило, это означает 10 лет довольно скучной работы, которая не даст профессионального роста. И в этом, мне кажется, большая проблема России.

В.К.: А в той же Англии судья — это позиция, которую может занять и бывший партнер юрфирмы, и вообще человек, который сделал юридическую карьеру и понимает право. Человек, который добился всего, и поэтому его уважают.

— **Тогда что для вас сейчас является венцом вашей будущей карьеры? Кто-то уже имеет ясное представление об этом?**

В.К.: В принципе, у нас есть альтернатива: можно быть арбитром, причем даже, наверное, международным. Но до этого надо прославиться в качестве, например, партнера.

В.Б.: Там тоже сложные дела. И действительно есть возможность заниматься правом.

— **Кто-нибудь вам уже направлял предложения о работе после того, как прошла новость, что вы выиграли муткорт?**

В.Б.: Некоторые международные и российские фирмы заинтересовались нашей победой в конкурсе. Безусловно приятно, что наша увлеченность правом и энтузиазм при решении сложных правовых проблем помогают нам в построении карьеры с ее первых ступеней.